

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ТЮРКОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК
1976

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1978

Р. А. Гусейнов

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ ЗАКАВКАЗЬЯ XI—XII вв.

Медиевисты давно обратили внимание на важность так называемого сельджукского движения для понимания средневековой истории мусульманского и восточнохристианского мира. В частности, изучение истории Закавказья¹ подтверждает справедливость этого тезиса. Действительно, в течение XI—XII вв. произошли заметные изменения в социально-экономической, политической, этнической и интеллектуальной жизни Азербайджана, Армении и Грузии, связанные в первую очередь с эволюцией местных феодальных обществ и в определенной степени совпавшие с историей огузских и ряда других тюркских племен, которые оказались объединенными для завоевательного и миграционного движения из Средней Азии (частью из Дешт-и Кипчака) на запад. Во главе этого потока стояли султаны из рода Сельджука; по имени родоначальника завоеватели и мигранты стали известны как *сельджуки*, а само движение и период — как сельджукские. В. В. Бартольд принадлежит мысль о том, что благодаря образованию державы Сельджукидов (1038—1157) огузы приобрели «для мусульманского мира (теперь можно добавить — и для восточнохристианского.— *Р. Г.*) такое значение, какого не имел в средние века ни один из других турецких народов»². Вместе с тем следует подчеркнуть, что для Закавказья сельджукское движение не стало фактором, оказавшим решающее влияние на его внутреннее развитие. Оно осталось преимущественно явлением внешнего плана, в определенной степени воздействовавшим на общие моменты эволюции феодальных обществ Азербайджана, Армении и Грузии. В свою очередь, проблема Закавказья также была сложным вопросом в истории государств Сельджукидов, да и сами завоеватели и мигранты испытали гораздо большее влияние, чем это представляется.

Находясь на раннефеодальной ступени развития, сельджуки немало восприняли у других народов. Одновременно шел об-

ратный процесс: они сумели оказать определенное влияние на жизнь местного населения. Это явление взаимообогащения не случайное, и оно служит подтверждением существования зоны контакта и синтетного развития там, где сельджуки соприкоснулись с мусульманским и восточнохристианским миром. Вот почему в целом судьбы автохтонов переплелись с сельджуками, деятельность которых в известном смысле стала частью местной и мировой истории средних веков. И поэтому к истории сельджуков и Закавказья можно отнести вывод Н. В. Пигулевской о том, что «общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них»³.

Каждая страна Закавказья имела свои особенности исторического развития. В известном смысле Азербайджан, Армения и Грузия были разнохарактерными по некоторым социально-экономическим, политическим, этническим и иным признакам. Но различия лишь подчеркивают то общее, что было им свойственно. Особенности носили вторичный характер, нередко они являлись приемлемой конкретной формой проявления общих закономерностей. Исторический процесс был един. Общее объясняется не столько взаимовлиянием или однотипным внешним воздействием, сколько сходными условиями хозяйственно-производительной деятельности, сложившейся в рамках одной общественно-экономической формации, имеющей общие закономерности развития; определенную роль играло также относительное единство географических условий. Поэтому понять историю Закавказья XI—XII вв. как часть истории СССР и всемирной истории можно лишь при изучении диалектического взаимодействия объективного процесса (общее) и субъективных факторов (особенное). Конкретные условия накладывают специфический налет на ход исторического процесса, что позволяет отличать историю одного народа от истории другого. Но особенное и общее тесно связаны и взаимозависимы. «Синхроническое единство мировой истории должно мыслиться не как унификация с отстранением на задний план особенностей и колоссального перепада уровней экономического развития разных стран, а как взаимосвязь всего этого многообразия»⁴. Поэтому хотя и трудно, но важно найти истинное соотношение между общим и особенным, так как только на этом пути возможно установить место каждой страны в процессе исторического развития, выяснить то, что отличает их друг от друга, а также что сближает их судьбы, роднит историю.

Рассмотрение же взаимоотношений сельджуков и Закавказья как части истории СССР и мировой истории помогает показать, что история этого региона неотделима от процесса, в который

наряду с Азербайджаном, Арменией и Грузией были вовлечены многие страны Востока и Запада. Поэтому история периода требует своего воспроизведения как неразделимого комплекса явлений, в основе которых лежат общие закономерности, связанные с конкретными их носителями — субъектами исторического процесса. Ибо если уже в дофеодальный период локальная история в известной степени была связана с событиями внешнего характера, то тем более это верно для феодального периода, в частности для XI—XII вв., когда вследствие ряда обстоятельств пришли в движение новые силы внутреннего и внешнего порядка и их развитие происходило во взаимодействии. Поэтому история, сохраняя локальный характер, одновременно выходит за рамки одной страны или региона. Вот почему, как бы ни была обособлена, специфична история каждой закавказской страны, она находилась в определенной связи и зависимости от явлений, характерных для Востока и Запада в XI—XII вв.; каждый историк знает, что обособленной страны не существует; история одной страны немыслима⁵. Как внешняя, так и внутренняя политика государства, его хозяйственное и культурное развитие теснейшим образом связаны с соседними странами⁶. Невозможно обособить историю одной страны от широкой исторической среды, в которую она органически включена: «Кто пишет историю страны, фактически в огромной степени понимает под ней историю государства, а история государства не может и не должна быть абстрагирована от тех отношений, в каких оно находилось со своим населением и с властями вне данных государственных границ»⁷.

Вот почему существует потребность в историографическом обзоре, который, не претендуя на библиографическую полноту, что, собственно, не является самоцелью, тем не менее позволит продемонстрировать позитивные достижения, а также основные тенденции современной историографии истории Закавказья XI—XII вв. и вместе с тем показать ее сильные и выявить слабые стороны и наметить направление дальнейших исследований. Настоящий обзор касается трех аспектов — социально-экономического, политического и этнического, так или иначе связанных с сельджукским движением. Он состоит из двух разделов.

Первый — посвящен основным публикациям. Заметное место принадлежит исследованиям В. В. Бартольда, который, в частности, обратил внимание на узловые проблемы средневековой истории тюркских народов. В цикле его трудов — «Иран», «Историко-географический обзор Ирана», «Краткий обзор истории Азербайджана», «Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира», «Турецкий эпос и Кавказ» — рассмотрена история средневековых Азербайджана и Дагестана. Исследования В. В. Бартольда позволяют узнать много ценного по

экономической, этнической, социальной, военной, политической истории XI—XII вв. Важны также обстоятельные экскурсы по истории различных средневековых терминов.

Основные же работы в области исследования истории Закавказья XI—XII вв. принадлежат почти исключительно советским медиевистам. Дело в том, что хотя разработка этого периода начата давно, однако только за годы Советской власти она приняла систематический и подлинно научный характер. Опираясь на марксистскую методологию, советские ученые внесли существенный вклад в исследование периода. При этом основное внимание уделяется непосредственным производителям материальных благ — народу, истинному творцу истории. Поэтому изучаются не только политические сюжеты, но разрабатываются также проблемы государственного и общественного строя, эволюция феодальных и земельных институтов, формы эксплуатации крестьян и ремесленников и другие социально-экономические, этнические и иные аспекты. Медиевистов Азербайджана, Армении и Грузии, занимающихся историей этих стран в XI—XII вв., роднит одно немаловажное обстоятельство: исторический процесс рассматривается в тесной связи с сельджуками, что вполне оправданно, хотя и накладывает порой своеобразный отпечаток на трактовку ряда положений. Они в основном правильно определили соотношение внутренних и внешних факторов в местной истории и в целом объективно оценили взаимоотношения сельджуков со странами Закавказья.

Исследование социально-экономической истории показало, что местное население подпало под двойной феодальный гнет, возросла норма его эксплуатации, что создало условия для возникновения, а в ряде случаев для дальнейшего укрепления крепостной зависимости. Облегчение налогового бремени в период завоеваний Сельджукидов вскоре сменилось увеличением экономического гнета: возросли ординарные и экстраординарные налоги, поборы и повинности. Вместе с тем следует отметить, что даже переход завоевателей от режима военной оккупации к упорядоченному управлению захваченными территориями не улучшил положения непосредственных производителей. Но этот переход объективно способствовал подъему экономики.

Феодальное устройство переживало трансформацию. Появилась новая группа феодалов из числа пришлой военно-кочевой знати, которая составила часть местного класса эксплуататоров. Этот момент, как и сам завоевательный процесс, привел к известному перераспределению земельного фонда и определенным изменениям в поземельных отношениях, почти не затронувшим, правда, частной земельной собственности, которая не утратила тенденции к дальнейшему развитию. Произошли перемены в системе сюзеренитета и вассалитета; в частности, на монете мест-

ных государств появились имена султанов Сельджукидов, местные династии были обязаны определенными взносами в султанскую казну, которые легли дополнительным экономическим бременем на плечи непосредственных производителей. Появились новые феодальные учреждения, среди которых важное значение имели институт атабеков и военно-феодальный институт уджей. Это был период полного развития феодальной собственности наряду с развитием феодальной иерархии.

Разработка политической истории показала, что установление владычества Сельджукидов в Закавказье относится к рубежу 70—80-х годов XI в., что среди новых государств большое значение для Азербайджана, Армении и Грузии имели держава великих султанов, Конийский и Иракский султанаты, тюркские эмираты и государство атабеков Ильдегизидов, с которыми сосуществовали и находились в определенных отношениях местные политические системы, в первую очередь Ширванское государство и Грузинское царство.

Работы в области этнической истории позволяют говорить о том, что в XI—XII вв. часть населения Закавказья пережила основной этап языковой тюркизации.

В целом изучение истории Закавказья XI—XII вв. показало, что эти столетия являются одним из этапов поступательной и непрерывной эволюции местных феодальных обществ, бывших составными частями мировой феодальной системы. Азербайджан, Армения и Грузия в своем развитии прошли основные ступени формирования, присущие другим странам. Отмеченные положения рассмотрены и обоснованы в сводных обобщающих трудах по истории Азербайджана, Армении и Грузии⁸, а также в специальных исследованиях.

Монографическая публикация, где затронут комплекс вопросов истории Азербайджана XI—XII вв., принадлежит И. П. Бекзади⁹. В основе его исследования, которое носит главным образом источниковедческий характер, лежит сочинение Равенди (XII в.), сведения которого сопоставлены с другими нарративными памятниками. Рассмотрены завоевательный процесс и временное владычество Сельджукидов, социально-экономическое состояние страны. И. П. Бекзади дал характеристику основных классов периода. Он считает, что земля, как правило, была собственностью феодала, говорит о составе класса феодалов, отмечая среди них крупных, средних и мелких. Крестьянство также не было однородным по своему составу, основную массу составляли безземельные и не имевшие орудий производства, а также крестьяне-издольщики, арендовавшие участки на определенных условиях. Среди основных форм землевладения отмечены икта, мюльк и вакф. Дана также характеристика системы обложения.

Исследование Н. Н. Шенгелия является итоговой публикацией по истории Грузии XI в. в связи с сельджуками¹⁰. Автор предвзывает свою работу источниковедческим и историографическим обзором. Он прослеживает политическую историю державы Сельджукидов и деятельность грузинских Багратидов в XI в. Основное внимание уделено особенностям временного сельджукского господства в Грузии — «Диди туркоба» («Великая туретчина»), в частности присутствию в стране завоевателей, их набегам на различные области и грабежам, на процесс массового оседания тюркских племен (что отмечено и другими исследованиями¹¹). Положение было усугублено усилением сепаратистских тенденций крупных грузинских феодалов. В достаточной степени показаны сельджукское государственное устройство, организация управления, а также феодальное дробление государства Сельджукидов в конце XI в. и значение этого события для Грузии. В целом работа исполнена в обычных для грузинской историографии традициях. Основная ценность ее в том, что автор рассмотрел различные аспекты взаимоотношений Сельджукидов и Грузии, в которых играли роль как внешние, так и внутренние факторы. Хотя центр тяжести исследования находится в области политической истории, тем не менее Н. Н. Шенгелия правильно подметил, что даже в условиях иноземного давления в Грузии развивались экономика и культура.

М. М. Бердзенишвили принадлежит работа, в которой рассмотрен комплекс вопросов истории Грузии XI—XII вв.¹². Последняя по времени публикация того же плана вышла из-под пера М. Д. Лордкипанидзе¹³. В ней учтены основные достижения грузинских медиевистов, которые зиждутся на грузинских источниках и литературе. Автор рассмотрел социально-экономическое состояние, государственный строй и культуру Грузии периода, когда грузинские Багратиды сперва признали сюзеренитет Сельджукидов, затем, выгодно используя политическую ситуацию в Передней Азии, в том числе в Закавказье, сумели превратить свое царство в значительное восточнохристианское государство. В этой публикации имеется ряд принципиальных погрешностей, о которых будет сказано дальше¹⁴.

Публикация Ш. А. Мехиа посвящена важному военно-политическому событию в истории Грузии первой четверти XII в. — Дидгорской битве¹⁵. Среди значительных последствий этой битвы — окончательное изгнание сельджукских захватчиков из пределов страны, а также присоединение Тбилиси, который был превращен в столицу Грузинского царства. Автор дал обзор источников и литературы, охарактеризовал положение страны. В работе имеются неточные толкования некоторых внешнеполитических явлений, о чем будет сказано ниже.

В армянской историографии пока нет специальной публика-

ции по истории Армении XI—XII вв.¹⁶. В какой-то мере ее отсутствие компенсируется работами о Киликийском княжестве, которое считается продолжением армянской средневековой государственности¹⁷. Вместе с тем армянские специалисты уделяют большое внимание социально-экономической истории периода¹⁸. Немало внимания тем же сюжетам уделяют и грузинские историки¹⁹.

Серия исследований посвящена средневековым городам Азербайджана²⁰, Армении²¹ и Грузии²². На богатом материале археологии, с привлечением данных письменных источников показано, что в XI и особенно в XII в. в странах Закавказья существовал феодальный город в полном смысле этого понятия. Он являлся центром экономической, политической и культурной жизни. Городское ремесло было уже глубоко дифференцированным, оно представлено почти всеми известными тогда отраслями²³. Городские ремесленники производили качественные изделия, пользовавшиеся спросом не только на внутреннем, но и внешнем рынке. Разработки подтвердили, что крупнейшие города Закавказья, бывшие важными звеньями ремесленно-торговой системы XI—XII вв., по своей значимости, а также по численности населения не уступали наиболее известным городам средневековья.

Следует специально отметить публикации В. М. Бейлиса, которые касаются малоразработанных сюжетов, связанных с азербайджанским городом XI—XII вв.²⁴. Его работы тем более ценны, что построены на материале весьма важного источника местного происхождения, автор которого был очевидцем описанного. Вместе с тем цикл исследований В. М. Бейлиса подтверждает: для Азербайджана в XI—XII вв. характерны доминирование денежной формы феодальной ренты, расцвет феодального города, Ширванское государство переживало политический подъем, расширилась сфера распространения частной феодальной собственности на землю, кочевое население не было типичным для страны, бывшей зоной традиционного, многовекового, культурного и многоотраслевого оседлого земледелия.

Работы по нумизматике подтвердили активную экономическую жизнь в странах Закавказья, являвшихся составными частями экономической системы средневекового феодального общества²⁵. Нумизматический материал свидетельствует о доминировании денежной формы феодальной ренты, о широком развитии товарного производства, товарно-денежных отношений, денежного хозяйства, а также о том, что XI—XII века были этапом в развитии монетного чекана Закавказья. При этом особенность заключалась в том, что если основу денежной системы по-прежнему составляло золото, то основой денежного обращения стала медная монета, ибо это был период так на-

зываемого серебряного кризиса, охватившего не только Закавказье, но и значительные регионы Востока и Запада.

Ряд сюжетов истории Азербайджана XI—XII вв. освещен М. Х. Шарифли²⁶. Он затронул вопросы экономического и социального положения страны, изложил материал об огузо-сельджукских вторжениях, описал азербайджанские феодальные государства. Дальнейшей разработкой истории периода в связи с сельджуками можно считать наряду с исследованием И. П. Бекзади работу Р. А. Гусейнова, построенную на данных сирийских источников²⁷. Автор останавливается на вопросах завоевания Азербайджана сельджукидами, социально-экономических и идеологических сюжетах из истории атабеков Ильдегизидов.

Р. А. Гусейнову принадлежит также первое исследование по истории Закавказья в связи с сельджуками²⁸. На основе данных различных групп письменных памятников и материальной культуры предпринята попытка установить общее и особенное в развитии Азербайджана, Армении и Грузии в XI—XII вв., выявить закономерности, присущие восточному феодализму в Закавказье и связанные с объективной эволюцией общественно-экономических отношений. Показано место Закавказья в феодальном сообществе в период, когда произошли заметные перемены во многих областях жизни местного населения.

В ряде работ рассмотрены взаимоотношения стран Закавказья с государствами, появившимися в XI—XII вв. Среди них наибольшее значение для судеб региона имели в XI в. держава Сельджукидов, а в XII в. — Конийский и Иракский султанаты, государство атабеков Ильдегизидов и эмираты Данишмендидов, Мангуджакидов, Зангидов, Артукидов и Бектимуридов. Обращено внимание на то, что Ильдегизиды полновластно распоряжались в государстве иракских сельджукидов и принимали деятельное участие в военно-политической жизни как Закавказья, так и вообще Передней Азии²⁹. С Ильдегизидами же связана история Ахарского меликства, правители которого признавали себя вассалами этих могущественных атабеков³⁰. Рассмотрена также история отдельных закавказских владений; часть из них была упразднена сельджукидами, а другая — оставлена на вассальных условиях³¹.

Внимание исследователей стала весьма привлекать история отношений государств Закавказья между собой и с соседями³². Эта область разработок сравнительно нова; отчасти этим, а значит, недостаточной изученностью темы и материала можно объяснить не всегда верные заключения. Например, о том, что будто во второй половине XI в. Грузии приходилось одной бороться против сельджукского нашествия, ибо Азербайджан и Армения уже были захвачены сельджукидами. Но теперь можно считать доказанным, что страны Закавказья были подчинены сельджу-

ками на рубеже 70—80-х годов XI в.³³ Скорее следовало акцентировать внимание на том, что Багратидам в первой половине XI в. приходилось бороться против Византийской империи, которая, поглотив значительную часть Армении, пыталась установить свою гегемонию над Грузинским царством и проникнуть в Азербайджан. В том же, что касается характера взаимоотношений Ширванского государства с Грузинским царством в XII в., азербайджанские историки пришли к заключению, что они были паритетными, и это находит свое подтверждение в политической и экономической жизни. Более важны и правильны другие итоги: удалось показать, что в борьбе за объединение Грузии династии Багратидов пришлось больше и упорнее бороться с собственными феодалами, нежели с внешней опасностью, ибо часть этих феодалов ориентировалась на Византийскую империю, а часть выступала против создания единого грузинского государства.

В некоторых исследованиях прослежено, как в XI в. Византия осуществляла свои захватнические планы в Закавказье, как она подрывала местные политические системы, лишала их возможности противостоять сельджукской опасности, что впоследствии привело саму Византийскую империю к военному краху. В частности, Византия до середины XI в. завоевала почти всю Армению, приобретшую независимость от Аббасидского халифата, и установила здесь тяжелый налоговый гнет, а также преследовала монофизитов и местных феодалов. В результате в стране была уничтожена организованная сила, способная противостоять Сельджукидам³⁴. Об этом свидетельствуют, например, неоднократные и почти беспрепятственные набеги огузов на Армению³⁵.

Не остался вне поля зрения аспект взаимоотношений Сельджукидов с Византийской империей, ибо они имели определенные негативные последствия для Закавказья³⁶. Хорошо известно, что разгром армии Романа IV Диогена при Манцикерте в 1071 г. войском великого султана Алп-Арслана привел к установлению на рубеже 70—80-х годов XI в. временного владычества Сельджукидов в Азербайджане, Армении и Грузии. После этой даты можно говорить о тесном переплетении судеб Закавказья с державой Сельджукидов, а через нее — с феодальной системой Передней Азии и Юго-Восточной Европы.

В определенной степени разработаны вопросы военного дела³⁷, благодаря чему удалось показать роль и значение для XI—XII вв. сельджукской военной организации, а также кипчаков в реорганизованной военной системе Грузинского царства.

Языковая тюркизация некоторых частей Закавказья в связи с тюркским потоком XI—XII вв. также стала объектом внимания³⁸. Удалось установить, что важную роль в этом процессе

тюркоязычные племена начали играть только после образования государств Сельджукидов и других тюркских династий.

Зарубежные медиевисты сравнительно мало касаются сюжетов, связанных с Закавказьем XI—XII вв. и сельджуками. Среди них следует отметить В. Ф. Минорского, который интерпретировал важные сведения источников по этнографии, расселению, племенному составу, миграциям тюрков, а также по социально-экономической и политической истории периода³⁹. Он дал свое решение ряда неясных положений истории Закавказья, которые, правда, не всегда согласуются с достижениями советской медиевистики. В итоговом исследовании по истории Ирана на большом фактическом материале и на основе предшествующих публикаций рассмотрен комплекс вопросов XI—XII вв.⁴⁰. Не все они освещены равномерно, что, возможно, является следствием недостаточной полноты или изученности материала. Так, весьма мало внимания уделено государству атабеков Илдегизидов, хотя оно сыграло важную роль в истории Ирана.

Второй раздел обзора посвящен ряду сюжетов истории Закавказья XI—XII вв., которые пока не нашли правильного решения в современной советской и зарубежной историографии. Причины тут различны. В одних случаях сказались тенденции локальной историографии, проявляющиеся в преемственности традиционных взглядов, принимаемых за постулат; в других — последствия незнания комплекса данных разных групп источников различного происхождения (не только письменных, но также данных материальной культуры) и существующих публикаций; в третьих — результат абстрагирования от экономических и политических реалий периода. В итоге появляются своеобразные взгляды и интерпретации некоторых положений социально-экономической, политической и этнической истории.

Одним из принципиальных является вопрос о характере экономической жизни Закавказья в XII в. Е. А. Пахомов считает, что «время с XII и до начала XIII в. было периодом экономического упадка... для всего Азербайджана и окружающих стран», что наблюдается падение товарообмена и происходит поворот к замкнутому натуральному хозяйству⁴¹.

Возможно, что тезис о замкнутом натуральном характере экономики навеян натуральным характером самой феодальной ренты, а не хозяйства непосредственных производителей и феодалов. Ибо и в период доминирования денежной формы феодальной ренты условия хозяйствования в подавляющем большинстве случаев возмещаются и воспроизводятся прямо из валовой продукции крестьянского хозяйства, без содействия рынка. В деньги превращается не весь крестьянский продукт, а лишь та его часть, которая составляет ренту. Собственно, в сумме феодальная экономика считается натуральной даже при

полном господстве денежной ренты, ибо большая часть земледельческой продукции по-прежнему не попадает на рынок (личное потребление, воспроизводство)⁴². Поэтому «товарное производство и товарное обращение могут иметь место и тогда, когда подавляющая масса продуктов предназначается непосредственно для собственного потребления...»⁴³.

Против натурализации экономики в Закавказье в XII — начале XIII в. свидетельствует расцвет именно в этот период значительного числа феодальных городов Азербайджана, Армении и Грузии, бывших центрами в первую очередь экономической жизни⁴⁴, что следует связать с развитием рыночных отношений, с нарастанием удельного веса денежной формы феодальной ренты. А доминирование последней предполагает более значительное развитие ремесла (бывшего занятием городского населения), торговли, вообще товарного производства, а вместе с ним и денежного обращения⁴⁵. Эти черты экономической эволюции были присущи Закавказью XII — начала XIII в. Возможно, это одна из особенностей периода восточного феодализма.

Дальнейшим развитием тезиса о натуральном якобы характере экономики Закавказья являются положения, высказанные А. П. Новосельцевым. Он полагает, что с появлением в этом регионе сельджуков здесь исчезла большая часть прежних местных землевладельцев и что в XI—XII вв. тут все определеннее проступают черты кочевых форм хозяйства⁴⁶. Это заключение отнесено в первую очередь к Азербайджану. Таким образом, по мнению автора, местное многовековое оседлое земледельческое хозяйство было значительно потеснено пришлым кочевым или же в лучшем случае местные землевладельцы в большинстве случаев заменены пришлой военно-кочевой знатью.

Подобное же заключение, но уже относительно Грузии; бытует в грузинской литературе⁴⁷.

Конкретные исследования показывают, что следует говорить лишь о частичном обновлении класса местных феодалов за счет пришлой военно-кочевой знати, о сохранении местного этноса, о временном застое в местной экономике, носившей принципиально оседлый земледельческий характер. Ни в коем случае нет оснований говорить о возобладании кочевых форм хозяйства в Закавказье, тем более сам автор считает, что развитие производительных сил зависит от комплекса условий, и прежде всего от природной и внешнесоциальной среды: «Говоря о первой, нельзя забывать, что в докапиталистических формациях человек неизмеримо больше зависел от природной среды и именно она в основном определяла и типы хозяйства, и направление его развития (курсив наш.— Р. Г.)»⁴⁸. Раз дело обстоит так, почему А. П. Новосельцев полагает, что многовековые традиции оседлого земледельческого образа жизни местного населения

Закавказья должны уступить кочевым формам хозяйства? Правильным является иное заключение, сформулированное Н. В. Пигулевской: «Общественное развитие происходило в постоянной зависимости от связей и взаимных столкновений между оседлым населением давно сложившихся государств и кочевыми племенами пустыни, спорадически наступавшими на них»⁴⁹. Кстати, А. П. Новосельцев приводит известное высказывание К. Маркса о возможности сосуществования оседлых и кочевых обществ на Востоке⁵⁰, т. е. о своеобразном симбиозе кочевой и оседлой форм хозяйств, а не об обязательном поглощении или подавлении одного другим. Можно напомнить и другое определение Ф. Энгельса: «Каждый раз, когда завоевателем является менее культурный народ, нарушается, как само собой понятно, ход экономического развития и подвергается уничтожению масса производительных сил. Но при длительном завоевании менее культурный завоеватель вынужден в громадном большинстве случаев приспособиться к более высокому „хозяйственному положению“ завоеванной страны в том виде, каким она оказывается после завоевания...»⁵¹. Должно ли было Закавказье в XI—XII вв. стать исключением из этого правила? Если да, тогда трудно объяснить расцвет экономики Закавказья⁵².

Некоторые кавказоведы считают, что сельджукское завоевание отсрочило завершение процесса закрепощения крестьян и это будто является показателем застоя в социальном развитии феодальных Армении и Грузии⁵³. А. П. Новосельцев считает, что в XI—XII вв. в Передней Азии, а значит, и в ее составной части — Закавказье процесс феодализации в отличие от Западной Европы того же времени не был завершен, ибо в те столетия здесь сохранялся рабовладельческий уклад и неоднократно прерывался процесс оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие⁵⁴.

В связи с этим следует напомнить, что для Азербайджана пока нет сведений, происходило ли там закрепощение земледельцев в XI—XII вв.⁵⁵ В Армении этот процесс носил локальный характер⁵⁶. Вместе с тем, насколько известно, юридически крепостных в Закавказье домонгольского времени не было⁵⁷. В целом же период XI—XII вв. можно считать переходным этапом, когда свободное крестьянство сходит на нет. А относительно позднее установление крепостничества (или его юридическое оформление) не оказало существенного влияния на экономическую, политическую, культурную и даже социальную историю Закавказья. Это одна из особенностей восточного феодализма. Для сравнения можно напомнить, что, хотя в Западной Европе XI—XII вв. существовало юридически оформленное крепостничество, она во всех отношениях отставала в своем развитии от Востока. В домонгольское время здесь не было не-

обходимости в закреплении, ибо земельные отношения, как и вообще феодальные, имели свою специфику, что не могло не отразиться на характере процесса феодализации и оформления крестьянства в единое феодально-зависимое сословие. И можно ли считать незавершенным процесс феодализации для региона, где в отличие от Западной Европы фиксирована непрерывность и преемственность эволюции города, раньше наступает период товарно-денежных отношений и развитого денежного хозяйства, где доминирует денежная форма феодальной ренты, что свидетельствует о подъеме экономики? ⁵⁸. К тому же Закавказье было той самой зоной контакта и синтетического развития, где новое переплеталось и рождалось в сплаве со старым, местное — с привнесленным извне. И это особенность местного, если не вообще восточного феодализма.

Здесь же следует заметить следующее. А. П. Новосельцев пишет, что в его работах ⁵⁹ выявляются общие для Закавказья закономерности и особенности сложного и трудного для анализа процесса становления и укрепления феодализма ⁶⁰. Но в данном случае его отправным пунктом служит вывод о недоразвитости феодализма в этом регионе в сравнении с его «классической» формой в Западной Европе. Таким образом, восточному феодализму с его особенностями и отличиями от западноевропейского вновь отказано в праве на существование, т. е. налицо возврат к европоцентрической теории. В качестве контраргумента достаточно сослаться на исследования Н. И. Конрада, считавшего, что если и сравнивать, то при этом следует отталкиваться от восточного феодализма, который старше, и только в таком случае можно выявить общее и особенное в феодальный период ⁶¹, а вместе с тем и типологию эволюции феодализма. Действительно, в феодальном развитии Запада и Востока при наличии единства самой феодальной формации во всех ее разновидностях имелись черты, которые свидетельствуют о преимущественном и более «рациональном» развитии средневекового Востока по сравнению со средневековым Западом, что позволяет говорить об особенностях восточной феодальной системы и характерной для нее совокупности явлений, определяемых понятием «восточный феодализм». Да и сам А. П. Новосельцев приходит к заключению, что «процесс сложения феодализма в странах Передней Азии шел иными путями и не был непосредственно связан с кризисом рабовладельческого строя, который привел к гибели античную цивилизацию на Западе. Культура народов Ближнего Востока IV—XIII вв. явилась как бы мостом, связавшим античную цивилизацию с возникшей на ее развалинах новой, европейской культурой. В этом одна из исторических заслуг народов Ближнего Востока, в том числе и закавказских» ⁶².

Для некоторых авторов характерно утверждение, что сель-

джукское нашествие и завоевание привело к огромному численному уменьшению местного населения и создало угрозу его физического истребления, изменения этнического состава стран Закавказья⁶³. Уместно обратить внимание на следующее. Даже в Армении, которая более других в Закавказье пострадала от сельджукских набегов, грабежей и нашествий, а до того — в не меньшей степени от неоднократных вторжений и избиений, учиненных Византийской империей, местное население не исчезло, не утратило своего языка и этнического облика. Точно так же в Азербайджане: хотя здесь произошла смена языка автохтонов, это не привело к смене этноса.

Трудно также согласиться с мнением, что в результате сельджукского нашествия и завоевания исчезли местные феодалы-землевладельцы, которых заменили пришлые тюркские эмиры⁶⁴, вернее сказать, об определенном обновлении состава местных феодалов за счет пришлой военно-кочевой знати, следствием чего было известное перераспределение земельных владений. В действительности в Грузии остались в основном грузинские феодалы, в Азербайджане — азербайджанские, точно так же в Армении — преимущественно армянские, хотя именно из этой страны Византийская империя насильно депортировала местных феодалов в свои владения, где наделяла их землей. Вместе с тем надо подчеркнуть, что в проведении своей политики в Закавказье Сельджукиды опирались на местные династии и феодалов, хотя права их были урезаны. В этом одна из особенностей системы управления на местах при Сельджукидах.

М. Х. Шарифли пришел к выводам, не согласующимся с реалиями XI—XII вв. В частности, он считает, что «бывший до того (т. е. до середины XII в.—*Р. Г.*) наместником иракских Сельджукидов в Азербайджане Шамс ад-дин Ильдегиз, а затем его преемники в результате борьбы с Сельджукидами добились независимости Азербайджана»⁶⁵. В действительности же атабеки Ильдегизиды, создавшие собственное государство, в состав которого входила значительная часть Азербайджана, а также Ирана и Армении, являлись вместе с тем фактическими руководителями Иракского султаната Сельджукидов. Борьба между Ильдегизидами и этими Сельджукидами происходила за власть в Иракском государстве, за влияние на Закавказье и другие регионы Передней Азии⁶⁶.

М. Х. Шарифли считает, что Ильдегизиды в борьбе с внешней опасностью вступили в союз с Грузинским царством⁶⁷. В подтверждение своего тезиса он ссылается на сообщение источника о женитве атабека Абу Бекра на грузинской принцессе. Но источник отмечает, что этот Ильдегизид, правивший в 1191—1210 гг., породнился с грузинскими Багратидами только для того, чтобы приостановить набеги грузинских феодалов на

свои владения⁶⁸. Вместе с тем надо подчеркнуть, что только благодаря Шамс ад-дину Ильдегизу (1136—1172) и его преемникам Джахан-Пехлевану (1172—1186) и Кызыл-Арслану (1186—1191) была приостановлена в XII в. экспансия грузинских царей в Азербайджан⁶⁹.

А. П. Новосельцев полагает, что после сражения при Манцикерте в 1071 г., в котором Византийская империя потерпела поражение от державы Сельджукидов, зона Ширвана стала одним из центров армянской политической и культурной жизни⁷⁰. Известно, что центром развития армянской государственности в XI в. стала Киликия⁷¹.

Еще в первой половине XIX в. появился тезис о подчинении или же вассальной зависимости Ширванского государства от Грузинского царства в течение почти всего XII в.⁷² С тех пор это положение повторено в ряде работ, которые можно разделить на две группы. Одни базируются почти исключительно на данных грузинских источников⁷³, другие — на литературе⁷⁴.

В специальной литературе существует и другая точка зрения, сторонники которой, исходя из экономических и политических реалий периода, считают, что ширвано-грузинские отношения носили паритетный характер и были добрососедскими, дружественными, родственными и союзническими.

Действительно, ширвано-грузинские отношения в XII в. нельзя рассматривать изолированно от общей военно-политической обстановки в Передней Азии, в которой доминирующую роль играли Конийский и Иракский султаны Сельджукидов, крупные эмираты и государство атабеков Ильдегизидов. Надо также помнить о значении в Тбилиси, столице Грузинского царства, местного мусульманского элемента и его влиянии не только на городское управление, но, что важнее, на экономическую жизнь. Это было время, когда Византийская империя переживала упадок, Киликийское княжество еще набиралось сил, крестоносцы были заняты своими собственными делами. Поэтому грузинские цари должны были вести осторожную политику, чтобы не раздражать сильных соседей-иноверцев. Вот почему они шли на сближение со странами мусульманского Востока. Это — заключение исследователей⁷⁵, которое базируется на данных различных источников⁷⁶.

Следует отметить ту важную роль, которую играли в истории XII в. атабеки Ильдегизиды, не только сумевшие воспрепятствовать грузинской экспансии в пределах Закавказья, но и вмешивавшиеся во внутренние дела Грузинского царства и отнявшие у него ряд территорий. Эти выводы исследователей⁷⁷ также базируются на данных различных источников⁷⁸.

Что касается экономической стороны вопроса, то нумизматический материал свидетельствует, что грузинская монета XII в.

«снабжалась преимущественно арабскими надписями; грузинской легенде уделялось самое незначительное место»⁷⁹. Наиболее важная причина этого явления заключалась в стремлении сохранить свое место в экономической системе Закавказья и Передней Азии, где доминировал мусульманский политический и экономический элемент. Не случайно уже В. В. Бартольд пришел к заключению, что христианская Грузия входила в состав мусульманской Азии если не в политическом, то в экономическом и культурном отношении⁸⁰. Это его положение было подтверждено и развито последующими исследователями⁸¹, в том числе грузинскими⁸².

Поэтому в сложившихся условиях Ширванское государство было единственным, с кем Грузинское царство, учитывая к тому же предшествующие позитивные традиции, имело возможность поддерживать паритетные отношения, а также рассчитывать на его помощь, содействие и поддержку. Ширван был фактически единственным для Грузии коммуникабельным государством в XII в.

Неосостоятельны исторические карты, на которых без фактического обоснования западные территории Азербайджана — до Шамахи, Гянджи, Барды и на юг до Аракса — включены в состав Грузинского царства XII — начала XIII в.⁸³. В связи с этим следует отметить публикацию М. М. Бердзенишвили, в которой автор, как и составители карт, считает, что Западный Ширван входил в состав владений Багратидов, а восточная граница Грузинского царства проходила по линии Шамаха — Гянджа, достигая места слияния Куры и Аракса⁸⁴. Ошибочность подобных заключений доказывается как позитивным характером ширвано-грузинских отношений в XII в., так и ролью атабеков Ильдегизидов в истории этого столетия.

Большое внимание истории стран Закавказья XI—XII вв. уделяют иранские и особенно турецкие медиевисты, в публикациях которых в наиболее резкой форме проступает методологическая ограниченность буржуазной историографии. Для иранских историков характерно отрицание истории средневековых государств и этноса Азербайджана. Наиболее рельефно эти тенденции проступают в работе М. М. Муртазави, посвященной месту и роли Азербайджана в истории иранского государства⁸⁵, а также у А. Кесреви Табризи, который рассматривает судьбы азербайджанцев в средние века с паниранистских и шовинистических позиций⁸⁶. То же самое характерно для Исторического атласа Ирана, где на карте сельджукского периода Азербайджан представлен как объект исторического процесса⁸⁷. Таким образом, иранская историография отрицает существование на территории Азербайджана государств ширваншахов Кесранидов, атабеков Ильдегизидов и ряда других. В связи с этим сле-

дует напомнить, что в XI—XII вв. не было никакого иранского политического образования, а территория Ирана входила в состав государств, созданных пришлыми феодалами: сперва это держава Сельджукидов и Карманский султанат Сельджукидов, затем — Иракский султанат Сельджукидов и государство атабеков Ильдегизидов. Причем, если в XI в. в истории Ирана и его многоязычного населения важную роль сыграли Сельджукиды, то в XII в. — Ильдегизиды, которые включили в состав своих владений и сферы влияния Западный Иран. Иными словами, в XI—XII вв. сам Иран был объектом исторического процесса и его судьбы оказались тесно связаны и зависимы от тех государств, что были созданы неиранскими (тюркскими) династиями. Поэтому закономерен вывод о том, что в период развитого и позднего средневековья Иран зависел от хода событий в Азербайджане, а не наоборот; причем с 1000 по 1295 г., с небольшими перерывами, судьбы Ирана находились в руках сменявших друг друга неиранских (тюркских) династий⁸⁸.

Для турецких медиевистов исследование периода имеет не только конкретный исторический, но также политический характер. Они рассматривают события XI—XII вв., в первую очередь исходя из трактовки истории современной Турецкой Республики, которую считают последним по времени этапом непрерывного, начиная с раннего средневековья, преемственного и последовательного развития «единой» тюркской государственности. Поэтому турецкая историография уделяет этому периоду большое внимание, и вот почему для нее Закавказье не субъект, а лишь объект исторического процесса в XI—XII вв. По той же причине турецкие исследователи стремятся искусственно, эклектически связать судьбы тех, кто ныне говорит на языках тюркской группы (а в некоторых случаях и нетюркской группы), с перманентно «единым» во все времена, по их представлениям, тюркоязычным миром, который будто к тому же искони непрерывно развивался на одной и той же территории — в Туране, — сплошной полосой пролегающей от Средиземного моря до Тихого океана. Иными словами, они прокламируют идею о существовании в прошлом и в настоящее время «единого» тюркского народа с неделимой историей, культурой, языком, идеологией и этногенетическим происхождением, но живущего ныне, в силу исторически сложившихся условий, в различных государствах.

М. А. Кёймен в исследовании, посвященном политической истории державы Сельджукидов⁸⁹, пытается доказать тезис о том, что наиболее значительное государство на мусульманском средневековом Востоке было создано тюрками. Отсюда вытекает другое положение: турки издревле пребывали на той территории, на которой их застаёт история, хотя хорошо известны

неоднократные миграции тюркских племен с востока на запад. Для Закавказья, во всяком случае, не вызывает сомнений, что тюрки на его территории — пришлый элемент. Это доказывается социально-экономической и политической историей стран региона, многовековым развитием культуры, а также, что весьма важно, этнической и языковой историей автохтонов. Это заключение относится ко всем странам Закавказья, на чью историю и территорию до сих пор претендуют некоторые турецкие историки. Исследованиями советских кавказоведов установлено и доказано, что подобные притязания лишены какого-либо реального основания⁹⁰.

М. А. Кёймен даже не упоминает атабеков Ильдегизидов, хотя они сыграли значительную роль в истории не только Закавказья, но вообще Передней Азии. Это подтверждается, в частности, таким важным событием периода, как трансформация Иракского султаната Сельджукидов (с которым в XII в. были связаны судьбы Закавказья и в котором Ильдегизиды в 1160—1191 гг. были полноправными руководителями) в Азербайджанский султанат. О значении этих атабеков свидетельствуют также характерные изменения в их титулатуре и тамге⁹¹; то, что они были единственной династией атабеков, созданной не с целью управления собственным доменом, а для руководства Иракским султанатом Сельджукидов⁹², который они фактически превратили в собственное государство. Точно так же не случайно, что с Ильдегизидами и Закавказьем связаны метаморфозы, пережитые одним из важнейших феодальных институтов периода — системой атабеков⁹³. Можно еще напомнить, что монета Ильдегизидов имела хождение как на территории всего Закавказья, так и за его пределами⁹⁴.

О. Туран в специальной публикации по поводу «идей мирового господства» у средневековых тюрков⁹⁵ пытается обосновать тезис, что уже у тюркских племен эпохи орхонских надписей (V—VII вв.) существовала эта идея, которая крепла и постепенно овладевала умами тюрков и превратилась в реальность в XI—XII вв., т. е. с созданием державы Сельджукидов. Впоследствии ни один народ не играл заметной роли в истории, ибо, заключает О. Туран, господство было исключительным правом тюрков. Положения, высказанные этим автором, не новы; они являются повторением того, что говорили З. Гекалп и другие сторонники пантюркизма и пантуранизма.

Более детально свои мысли О. Туран изложил в другой специальной публикации об истории развития у тюрков идеи о мировом господстве⁹⁶. При этом большое внимание уделено обоснованию «национального, идеологического и туманистического принципов» концепции тюркского мирового господства. Но тезис о том, будто тюркские племена со времени своего появления

на исторической арене в раннем средневековье стали играть всемирно-историческую роль и что у них извечно существовала идея мирового господства, антинаучен и антиисторичен. В частности, разработка сельджукской проблемы показала, что, хотя огузы известны были уже в VII в., их историческая роль выявилась позднее — в XI—XII вв., когда они приняли участие в завоевательном и миграционном движении под руководством Сельджукидов. Только тогда они оказали заметное воздействие на судьбы различных регионов Азии и Европы, в том числе Закавказья.

В связи с Закавказьем следует указать, что до XI в. тюрки не играли здесь решающей роли, а также подчеркнуть, что их влияние на судьбы местного населения достаточно отчетливо прослеживается только в языке. Историческая антропология не подтверждает отклонений от оптимального антропологического типа автохтонов Закавказья независимо от тюркских или иных наслоений. Вместе с тем должно обратить внимание на то, что смена языка не означала смены этноса: автохтоны Закавказья не утратили своей многовековой прямой и непрерывной линии антропологической, исторической и культурной эволюции⁹⁷.

Таким образом, можно констатировать, что в течение XI—XII вв. страны Закавказья прошли те же основные этапы эволюции восточного феодализма, что были присущи в эти столетия другим регионам. Закавказье было вовлечено в общий поток социально-экономического, политического и интеллектуального развития средневекового сообщества и являлось составной частью мировой феодальной системы.

В заключение несколько слов о направлениях ближайших разработок истории Закавказья XI—XII вв. Сейчас общими усилиями советских кавказоведов создается коллективный итоговый труд по истории Закавказья с древнейших времен до наших дней. Медиэвисты своими дальнейшими исследованиями могут способствовать успеху этого научного предприятия. В частности, ныне имеются условия для создания библиографии сельджукского периода, обобщающей итоговой работы по истории Закавказья XI—XII вв., а также по истории Иракского султаната Сельджукидов, государства атабеков Ильдегизидов, эмирата шахарменов. Следует обсудить возможность создания единых исторических карт Закавказья периода, разработки общих вопросов истории торговых связей, культурных взаимоотношений. Возможны рассмотрение истории отношений между Закавказьем и Конийским султанатом Сельджукидов, тюркскими эмиратами, а также более подробное исследование различных аспектов социально-экономической, политической, этнической и культурной истории, с тем чтобы выявить то общее, что было присуще странам и народам Закавказья в XI—XII вв.

¹ Историко-географический термин *Закавказье* используется в настоящем обзоре для обозначения не только территории нынешних Азербайджанской, Армянской и Грузинской ССР, но также тех сопредельных земель, которые составляли в XI—XII вв. соответственно с каждой из них единое целое.

² В. В. Бартольд. Очерк истории туркменского народа.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963, с. 574.

³ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв. М.—Л., 1964, с. 4.

⁴ Б. В. Поршнева. Мыслима ли история одной страны? — Историческая наука и некоторые проблемы современности. Статьи и обсуждения. М., 1969, с. 304.

⁵ Там же, с. 301.

⁶ А. В. Гулыга. Эстетика истории. М., 1974, с. 70.

⁷ Б. В. Поршнева. Мыслима ли история одной страны?, с. 308.

⁸ История Азербайджана. Т. 1. Баку, 1958; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Т. 1. Тб., 1962; История армянского народа. Ч. 1. Ер., 1951.

⁹ И. П. Бекзади. Сочинение Равенди «Рахат ас-Судур ва Айт ас-Сурур» как исторический источник. Баку, 1963 (на азерб. яз.); см. также его же работы: Автореф. канд. дисс. (под тем же названием). Баку, 1961; О положении крестьян Азербайджана в XI—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.). — «Доклады АН Азерб. ССР». 1959, т. 15, № 4; Виды частной земельной собственности и налогов в Азербайджане XI—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.). — «Известия АН Азерб. ССР. Серия обществ. наук». 1959, № 4.

¹⁰ Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в. Тб., 1968 (на груз. яз., резюме на рус. и англ. яз.). См. также: К. С. Кекелидзе. Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели.— Шота Руставели и его время (сборник). М., 1939.

¹¹ См., например: М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII в. (Научно-популярный очерк). Тб., 1974, с. 12.

¹² М. М. Бердзенишвили. История Грузии в XI—XII вв. Тб., 1970 (на груз. яз.). См. также: Ш. А. Месхиа. Из истории государственного строя Грузии в XI—XIII вв. (на груз. яз.). — Труды ТГУ. Т. 125. Серия историч. наук. Кн. VI, 1968; П. М. Мурадян. К хронологии некоторых событий в Грузии и Армении XII в. — «Вестник Матенадарана». 1969, № 9.

¹³ М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII вв. (там же см. новую литературу по социально-экономической и политической истории периода, опубликованную в Грузии). См. также ее работы: Из истории Тбилисского эмирата (на груз. яз., резюме на рус. яз.). — «Мимомхилвели». Т. 2. Тб., 1951; К вопросу об объединении феодальной Грузии (на груз. яз., резюме на рус. яз.). — Труды Института истории АН Груз. ССР. Т. 1, 1955; Придворные чиновные люди грузинской феодальной монархии (на груз. яз., резюме на рус. яз.). — «Материалы по истории Грузии и Кавказа». Вып. 32, 1955. Политическое объединение феодальной Грузии (на груз. яз.). Тб., 1963; Эпоха Руставели. Тб., 1966; Из истории социального развития в Грузии XII в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.). — Грузия в эпоху Руставели (сборник). Тб., 1966.

¹⁴ Т. Г. Папуашвили принадлежит исследование, где рассмотрены некоторые вопросы истории XI—XII вв. Автор включает в состав Эрети, которую причисляет к грузинским землям, западные территории исторической Кавказской Албании, но не оговаривает этого, хотя история Албании принадлежит истории Азербайджана [см. работы Т. Г. Папуашвили: Вопросы истории Эрети. Очерки по социально-экономической и политической истории. С древнейших времен до первой четверти XII в. Тб., 1970 (на груз. яз.); Автореф. докт. дисс. (под тем же названием). Тб., 1971; Из политической истории Эрети IX—XII вв. (на груз. яз.). — «Вестник Отделения обществ. наук АН Груз. ССР». 1967, № 4].

¹⁵ Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва. Тб., 1974 (эта же работа опубликована на груз. яз. в 1972 г.).

¹⁶ Следует отметить публикацию Б. А. Улубаяна о Хаченском княжестве, небольшом государстве, существовавшем на территории Азербайджана и принадлежащем его истории, хотя автор не считал нужным отметить это [Б. А. Улубаян. Истоки Хаченского княжества (на арм. яз., резюме на рус. яз.).— «Вестник Ереванского университета. Обществ. науки». 1972, № 2].

¹⁷ См.: Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства. Ер., 1952; А. Г. Сукиасян. История Киликийского армянского государства и права (XI—XIV вв.). Ер., 1969.

¹⁸ С. Е. Акопян. История армянского крестьянства (IV—XIII вв.). Автореф. докт. дисс. Ер., 1952; С. П. Погосян. Закрепощение крестьянства и крестьянские движения в Армении в IX—XIII вв. Ер., 1956 (на арм. яз., резюме на рус. яз.); он же. Автореф. докт. дисс. (под тем же названием). Ер., 1955; Б. Аракелян. Уровень социально-экономического развития Армении в IX—XIII вв. и вопрос Возрождения (на арм. яз.).— «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки». 1956, № 5; Р. М. Бартикян. О значении завешания Евстафия Воилы (1059 г.) для изучения истории Армении и Грузии в эпоху византийского владычества.— XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; Л. О. Бабаян. К вопросу о закрепощении крестьян в Армении домонгольского периода. Ер., 1961.

¹⁹ В. Д. Дондуа. К социально-экономической жизни средневековой Грузии по Анийской надписи (1218 г.) Епифания.— Академия наук СССР — академику Н. Я. Марру (сборник). М.—Л., 1935; Очерки из истории крестьянства феодальной Грузии. Ч. 1. Тб., 1967 (на груз. яз.); И. И. Сургуладзе. История государства и права Грузии. Тб., 1968; З. П. Ратиани. Социальный строй Грузии XII—XIV вв. Тб., 1970 (на груз. яз.).

²⁰ И. М. Джафарзаде. Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку, 1949; М. М. Альтман. Исторический очерк города Гянджи. Баку, 1949; С. Б. Ашурбейли. Очерк истории средневекового Баку (VIII—начало XIX в.). Баку, 1964; Р. А. Мамедов. Из истории Нахчевана X—XII вв. (на азерб. яз.).— «Материалы по истории Азербайджана». Т. 6, 1963; он же. Очерки истории города Нахчевана в период средневековья. Автореф. канд. дисс. Баку, 1965; Г. М. Ахмедов. Средневековый город Байлакан (Историко-археологическое исследование). Автореф. докт. дисс. Баку, 1972.

²¹ Н. Я. Марр. Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища. Л.—М., 1934; К. Г. Кафадарян. Город Двин и его раскопки. I. Ер., 1952; Я. А. Манандян. О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Изд. 2-е. Ер., 1954; Б. Н. Аракелян. Города Армении в IX—XIII вв. Автореф. докт. дисс. Ер., 1954.

²² Л. А. Чилашвили. Город Рустави (историко-археологический очерк). Тб., 1958 (на груз. яз.); он же. Города в феодальной Грузии. Автореф. докт. дисс. Тб., 1967; он же. Города феодальной Грузии. Тб., 1970 (на груз. яз., резюме на рус. яз.); Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии XVII—XVIII вв. Тб., 1959.

²³ В. А. Абрамян. Ремесла в Армении IV—XVIII вв. Ер., 1956 (на арм. яз., резюме на рус. яз.); Л. Хачикян. Уровень и степень развития ремесел в Армении в X—XIV вв. (на арм. яз.).— «Известия АН Арм. ССР. Обществ. науки». 1958, № 3; Ф. А. Ибрагимов. Металлообрабатывающее ремесло в средневековых городах Азербайджана в IX—XIII вв. Автореф. канд. дисс. Баку, 1969.

²⁴ См. работы В. М. Бейлиса: Масуд ибн Намдар и городское население Байлакана.— «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». 1966, № 3; Из наблюдений над текстом и терминологией Сборника рассказов, стихов и писем Масуда ибн Намдара (ок. 1111).— Письменные памятники Востока. Историко-филологические исследования. Ежегодник. 1968. М., 1970; Из наблюдений над текстом Масуда ибн Намдара.— Там же. Еже-

годник. 1970. М., 1974; Масуд ибн Намдар. Сборник рассказов, писем и стихов. Факсимиле текста, предисловие и указатели В. М. Бейлиса. М., 1970; Сочинения Масуда ибн Намдара как источник по истории Аррана и Ширвана начала XII в. и памятник средневековой арабской литературы. Автореф. докт. дисс. Баку, 1975.

²⁵ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии. Тб., 1970; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1—9. Баку, 1926—1966; он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в.— «Труды Госуд. исторического музея». Вып. 26, 1957; Н. Н. Коинава. Денежное обращение Грузии в эпоху Руставели.— Руставели (сборник). Тб., 1938; А. А. Быков. Грузинские монеты XII—XIII вв.— Памятники эпохи Руставели (сборник). Л., 1938; А. В. Рагимов. Клад ильдегизидских монет XII—XIII вв.— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 10, 1954, № 3; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика. М., 1955; И. Л. Джалаганиа. Два клада сельджукских монет.— «Советская археология». 1958, № 2; Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным. Ер., 1962; он же. Денежное обращение Армении в IX—XIV вв. (на арм. яз., резюме на рус. яз.).— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1971, № 4; В. В. Кропоткин. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962; М. А. Сейфеддини. Монетное дело в Азербайджане в XII — первой половине XV в. Автореф. докт. дисс. Баку, 1970; Р. А. Гусейнов. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв.— «Нумизматика и эпиграфика». Т. 9, 1971.

²⁶ См. работы М. Х. Шарифли: Из истории города Шамахи (на азерб. яз.).— «Известия Азерб. ФАН СССР». 1944, № 8; Относительно «Эльдегеза» (на азерб. яз.).— «Труды Азерб. Госпединститута им. В. И. Ленина». Т. 1, 1946; Азербайджан в IX—XII вв. (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Труды Института истории АН Азерб. ССР». Т. 12, 1957; Феодалные государства Азербайджана второй половины IX—XI в. Автореф. докт. дисс. Баку, 1963. См. также его раздел в книге: История Азербайджана. Т. 1, с. 128—169.

²⁷ См. работы Р. А. Гусейнова: Сирийские источники XII—XIII вв. об Азербайджане. Баку, 1960; «Хроника» Михаила Сирийца.— «Палестинский сборник». Вып. 5, 1960; Роль и значение сирийских источников для изучения истории народов Кавказа.— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 18, № 7, 1962; Сирийские источники по истории Закавказья X—XIV вв.— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1974, № 2.

²⁸ Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье. Автореф. докт. дисс. Баку, 1969; он же. К истории тюрок XI—XII вв.— «Труды Института истории АН Азерб. ССР». Т. 12, 1957.

²⁹ К. И. Чайкин. Ильдегизиды, Аксонкориды и Мангуджакиды.— Хакани—Низами—Руставели (сборник). М.—Л., 1935; Р. А. Гусейнов. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье.— «Палестинский сборник». Вып. 21, 1970.

³⁰ И. П. Петрушевский. Бешкениды—Пиштегиниды, грузинские мелики Ахара в XII—начале XIII в.— Материалы по истории Грузии и Кавказа. Т. 7, 1937. П. А. Топуриа. Материалы к истории грузинской династии Бешкенидов (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Вопросы истории Ближнего Востока (сборник). Тб., 1963 (в данном случае я не касаюсь спорного утверждения о грузинском происхождении мусульманской династии меликов Ахара); М. Х. Шарифли. Ахарские мелики Бишкиниды (на азерб. яз., рус. резюме).— «Доклады АН Азерб. ССР». Т. 26, № 5, 1970.

³¹ Дж. Ибрагимов. К истории государства ширваншахов в Азербайджане (1027—1382) (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Ученые записки Азерб. университета им. С. М. Кирова. История и философия». 1964, № 4; 1966, № 3; М. Х. Шарифли. Нахчиваншахство (на азерб. яз., резюме на рус. яз.).— «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права».

1966, № 4; М. А. Сейфеддини. Некоторые сведения об азербайджанском государстве Аксункуридов.— «Эпиграфика Востока». Т. 21, 1972.

³² В. Копалиани. Из истории грузино-византийских политических взаимоотношений в первой половине XI в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Труды ТГУ. Т. 77. Серия исторических наук, 1959; он же. Отношения Грузии с крестоносцами и Византией (на рубеже XI—XII вв.) (на груз. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия исторических наук. Кн. VI, 1968; он же. Из истории внешних политических взаимоотношений Грузии. Вторая половина XI в. (на груз. яз., рус. резюме).— Труды ТГУ. Т. 127. Серия исторических наук, 1968; он же. Политические взаимоотношения Византии и Грузии (70-е годы X в.—20-е годы XII в.). Автореф. докт. дисс. Тб., 1971; Р. М. Бартикян. К истории взаимоотношений между Византией и Киликийским армянским государством в конце XII в.— «Византийский временник». Т. 17, 1960; Н. Ш. Асатиани. Грузино-ширванские политические отношения в XII в. Статья 1. Первая половина XII в. (на груз. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия исторических наук. Кн. 6, 1968; Д. К. Степнадзе. Политические взаимоотношения Грузии с Азербайджаном на рубеже XII—XIII вв. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Вопросы истории феодальной Грузии (сборник). Кн. 1. Тб., 1970; он же. Политические взаимоотношения Грузии с народами Кавказа в XII в. Автореф. канд. дисс. Тб., 1970; он же. К внешней политике Грузии XII в.— Исторический сборник. Т. 3. Тб., 1970; З. В. Анчабадзе, М. В. Цинцадзе. Грузия и народы Северного Кавказа в XII—начале XIII вв. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Грузия в эпоху Руставели (сборник); О. Г. Жужунадзе. Из истории взаимоотношений Грузии с Россией в XII в. (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Там же; А. И. Шавхелашвили. Из истории взаимоотношений между грузинским и чечено-ингушскими народами. Грозный, 1963; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории грузино-армянских отношений (на груз. яз., резюме на рус. яз.).— Труды ТГУ. Т. 125. Серия историч. наук. Кн. 6, 1968; В. Д. Дондуа. К истории грузино-византийских политических взаимоотношений (XI в.).— Исторические изыскания. Т. 1. Тб., 1967.

³³ Р. А. Гусейнов. Последствия сражения при Манцикерте (1071 г.) для Закавказья.— «Византийский временник». Т. 29, 1968.

³⁴ Р. М. Бартикян. Завоевание Армении Византийской империей (на арм. яз., рус. резюме).— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1970, № 2; С. Т. Еремян. Присоединение северо-западных областей Армении к Византии в XI в.— «Вестник обществ. наук АН Арм. ССР». 1971, № 3; В. А. Арутюнова. Из истории северо-восточных пограничных областей Византийской империи в XI в.— «Историко-филологический журнал АН Арм. ССР». 1972, № 1; она же. «Ивер» в византийских источниках XI в.— «Вестник Матенадарана». Т. 11, 1973; В. С. Шандровская. К истории армяно-византийских отношений XII в. (по данным сфрагистики).— «Вестник обществ. наук АН Арм. ССР». 1974, № 4.

³⁵ С. Г. Агаджанов и К. Н. Юзбашян. К истории тюркских набегов на Армению.— «Палестинский сборник». Вып. 13, 1965.

³⁶ В. А. Гордлевский. Государство Сельджукидов Малой Азии. М.—Л., 1941; Р. А. Гусейнов. Из истории взаимоотношений Византии с сельджуками.— «Палестинский сборник». Вып. 23, 1971.

³⁷ К. А. Чхатарайшвили. Воины-иноземцы в грузинском войске XII в. (на груз. яз., рус. резюме).— «Грузия в эпоху Руставели»; Ш. А. Мехиа. Дидгорская битва; Р. А. Гусейнов. Сельджукская военная организация.— «Палестинский сборник». Вып. 17, 1967; он же. Тюркское Гош! в сирийском источнике.— «Краткие сообщения Института народов Азии АН СССР». 1965, № 86.

³⁸ А. Демирчизаде. Огузо-кипчакские элементы в азербайджанском языке (на азерб. яз.).— Труды Института языкознания АН Азерб. ССР. Т. 1, 1947; В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского язы-

ков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973; он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974; Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.— «Тюркологический сборник. 1972». М., 1973.

³⁹ См. работы В. Ф. Минорского (V. Minorovsky): История Ширвана и Дербенда X—XI вв. М., 1963; Studies in Caucasian History. I. New Light on the Shaddadids of Ganja. II. The Shaddadids of Ani. III. Prehistory of Saladin. L., 1953; A History of Sharvan and Darband in the 10th—11th Centuries. Cambridge, 1958; Iranica Twenty Articles. Tehran, 1964.

⁴⁰ The Cambridge History of Iran. Vol. 5. The Saljuk and Mongol Periods. Cambridge, 1968.

⁴¹ Е. А. Пахомов. Башни-мавзоли в Барде и их надписи.— «Труды Азерб. ФАН СССР. Историч. серия». Т. 25, 1936, с. 83; он же. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII в., с. 90.

⁴² Б. Ф. Поршнев. Феодализм и народные массы. М., 1964, с. 113 и сл.

⁴³ К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 1.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23, с. 180.

⁴⁴ См. работы, указанные в прим. 20, 21, 22, 25.

⁴⁵ См.: К. Маркс. Капитал. Критика политической экономии. Т. 3.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. 2, с. 361.

⁴⁶ А. П. Новосельцев, В. Т. Пашуто, Л. В. Черепнин. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М., 1972, с. 124; А. П. Новосельцев. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья (Опыт сравнительно-исторического исследования). Автореф. докт. дисс. М., 1973, с. 8—9, 29—30, 38.

⁴⁷ М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв. с. 25, 85; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 54.

⁴⁸ А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 18.

⁴⁹ Н. В. Пигулевская. Арабы у границ Византии и Ирана в IV—VI вв., с. 4.

⁵⁰ Маркс—Энгельс в Манчестер.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 28, с. 214.

⁵¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Диалектика природы.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 20, с. 188.

⁵² Здесь же отметим, что М. Д. Лордкипанидзе считает, что «преобладание натуральной ренты знаменует вступление в стадию развитых феодальных отношений, а денежная рента превалирует в эпоху распада феодальной формации», хотя далее она констатирует, что «в XI—XII вв. в Грузии в большом количестве чеканилась собственная монета — серебряная и медная. Эта монета имела хождение как внутри страны, так и за ее пределами. Есть основание полагать, что в Грузии того времени чеканилась и золотая монета, причем в роли денег выступали и слитки золота... В этот период в Грузии в большом количестве, обращалась и иностранная монета (византийская) и мусульманских государств» (М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII в., с. 25, 45).

Для чего же такая монетная масса находилась в обращении, если, по автору, доминирует натуральная форма феодальной ренты?

Следует упомянуть также заключение Ш. А. Месхиа, что «установление господства тюрков-сельджуков в Грузии и вообще в Закавказье означало существенное изменение социального и экономического строя этих стран, не только упадок их, но и возвращение к патриархальному скотоводству и семейному рабству» (Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 54).

Полагают, что излишняя категоричность такого суждения опровергается хорошо известным экономическим развитием Грузии в XI—XII вв.

Во всяком случае, исследования азербайджанских историков подтверждают, что в XI—XII вв. в Азербайджане по-прежнему определяющим типом экономики было многоотраслевое оседлое земледельческое хозяйство [Т. А. Бунятов. История земледелия и скотоводства в Азербайджане (с

древнейших времен до XIII в. н. э.). Автореф. докт. дисс. Баку, 1968; он же. Из истории развития земледелия в Азербайджане. Баку, 1964; он же. Очерки археологии Азербайджана. Баку, 1960].

Надо полагать, что нет оснований сомневаться в том, что основой экономической жизни стран Закавказья в XI—XII вв. было земледелие, ремесленное производство и горно-пастбищное сезонное скотоводство. Азербайджан, Армения и Грузия издревле славились как зоны культурного земледелия, скотоводства, виноградарства и виноделия, пчеловодства, льноводства, рисоводства, садоводства, шелководства, хлопководства, рыболовства. Издавна были известны также природные богатства этих стран: нефть, драгоценные камни, благородные и цветные металлы, строительный камень и соль. На этой базе расцветало ремесло. Все эти отрасли известны в странах Закавказья доныне.

⁵³ С. Е. Акопян. История армянского крестьянства, с. 12; Л. О. Бабаян. К вопросу о закреплении крестьян в Армении домонгольского периода, с. 4, 6; С. П. Погосян. Закрепление крестьянства и крестьянские движения в Армении, с. 31, 33—38; М. К. Думбадзе. Историческая действительность Грузии и Шота Руставели (на груз. яз., рус. резюме).— Грузия в эпоху Руставели, с. 294; М. Д. Лордкипанидзе. Из истории социального развития в Грузии XII в., с. 295; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва. с. 54.

⁵⁴ А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 99—100.

⁵⁵ И. П. Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв. Л., 1949, с. 250; он же. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв. М.—Л., 1960, с. 324 и сл.

⁵⁶ Б. М. Арутюнян. Социально-экономическое положение крестьян в Армении XII в. по Судебнику Мхитара Гоша.— «Вопросы истории». 1952, № 8, с. 55.

⁵⁷ Армянский судебник Мхитара Гоша. Ер., 1954, с. 150, 155, ст. 3, 14; И. П. Петрушевский. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV вв., с. 325—326; он же. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX вв., с. 250.

⁵⁸ В конечном итоге, что является определяющим: форма или сущность поземельных и личных отношений? Вероятно, второе — суть этих отношений; хотя они и не имели завершенной, «классической», европейской формы, тем не менее свидетельствуют, что в XI—XII вв. более была развита в социально-экономическом отношении Передняя Азия.

⁵⁹ См. работы А. П. Новосельцева (в соавторстве): Пути развития феодализма; Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья; Раннесредневековая культура народов Закавказья.— «Вопросы истории». 1973, № 6; Некоторые вопросы историографии древней и раннесредневековой истории народов Закавказья.— «История СССР». 1974, № 1 (в соавторстве). Итоги и задачи изучения истории древнейших государств нашей страны.— «История СССР». 1974, № 2.

⁶⁰ А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 9 и сл.; он же. Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья, с. 3 и сл.

⁶¹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1972 (особенно с. 77—102).

⁶² А. П. Новосельцев. Раннесредневековая культура народов Закавказья, с. 115.

В рецензии на книгу «Пути развития феодализма», одним из авторов которой является А. П. Новосельцев, точно подмечено, что «при всем многообразии путей формирования и особенностей развития феодальных отношений существует единство самой формации во всех ее разновидностях. Это важно отметить, потому что за последние годы под впечатлением раскрывающегося

на современном этапе развития науки многообразия конкретных форм, в которых происходило развитие общественно-экономических формаций, отдельные истории даже поставили под сомнение сам принцип выделения рубежей формации» (А. М. Сахаров. Рецензия на книгу: А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма.—«Вопросы истории». 1973, № 5, с. 160).

⁶³ Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Ч. 1; История армянского народа. Ч. 1; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв., с. 13, 86, 197; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 37.

⁶⁴ Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 382; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв., с. 85.

⁶⁵ М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., с. 74—75. См. также: История Азербайджана. Т. 1, с. 142.

⁶⁶ См. работы Р. А. Гусейнова: Сельджуки и Закавказье, с. 12—13; Институт атабеков.—«Палестинский сборник». Вып. 15, 1966, с. 189—190; Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье (здесь же указаны источники); Султан и халиф.—«Палестинский сборник». Вып. 19, 1969, с. 136—137 (здесь же указаны источники); Титулатура и тамга Ильдегизидов.—«Советская тюркология». 1970, № 4, с. 87—93.

⁶⁷ М. Х. Шарифли. Азербайджан в IX—XII вв., с. 80.

⁶⁸ Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. Т. 1. P., 1872, с. 83; Т. 2/1, 1877, с. 91, 102.

⁶⁹ V. Minor sky. Caucasia. I. Caucasia in the «History of Mayyafari-kin».—«Bulletin of The School of Oriental and African Studies» (BSOAS). 1948, vol. 12/4, с. 28; Н. Н. Оркун. Türk tarihi. Cilt 3. Ankara, 1946, с. 94; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People. L., 1932, с. 102.

⁷⁰ А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 47.

⁷¹ Г. Г. Микаелян. История Киликийского армянского государства; А. Г. Сукиасян. История Киликийского армянского государства и права.

⁷² В. Dorn. Beiträge zur Geschichte des Kaukasischen Länder und Völkers aus morgenländischen Quellen. SpB., 1907, с. 531.

⁷³ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии, с. 72; он же. Краткий курс истории Азербайджана (на правах рукописи). Баку, 1923, с. 33, 47; он же. Пай-такаран—Байлакан—Оренкала.—«Материалы и исследования по археологии СССР». 1959, № 67, с. 26 (правда, в некоторых своих публикациях Е. А. Пахомов писал, что «Грузия и Ширван находились в дружеских взаимоотношениях». См.: Е. А. Пахомов. Краткий курс истории Азербайджана, с. 16, 31; он же. О Дербендском княжестве XII—XIII вв.—«Известия Азерб. Гос. НИИ. Историко-этнографич. и археологич. отделение». 1930, т. 1/2, с. 7; он же. Твердые Ширвана эпохи Низами.—Низами. Сборник 1. Баку, 1940, с. 73—74); Н. Ш. Асатиани. Грузино-ширванские отношения в XII в., с. 1 и сл.; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв., с. 46 и сл.; Ш. А. Месхиа. Дидгорская битва, с. 66 и сл.

⁷⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 692, 877 (правда, в одной из своих работ В. В. Бартольд пришел к заключению, что во второй половине XII в. существовал союз между ширваншахами и грузинскими царями.—Там же, с. 779); В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., с. 178—180 (там же, на с. 180—186, В. Ф. Минорский говорит о равноправных взаимоотношениях Ширвана и Грузии); Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1. М., 1953, с. 565—566, 574, 577, 578, 658; История СССР. Серия 1. Т. 1. М., 1966, с. 414; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Ч. 1, с. 164—165, 192, 203; А. П. Новосельцев и др. Пути развития феодализма, с. 47; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People, с. 100, 106—107.

⁷⁵ В. М. Сысоев. Краткий очерк истории Азербайджана. Баку, 1925, с. 62; К. И. Чайкин. Из грузино-иранских связей.—Руставели (сборник). Тб., 1938, с. 122; История Азербайджана Т. 1, с. 141—142; А. А. Ализаде.

От ответственного редактора.— В. Ф. Минорский. История Ширвана и Дербенда X—XI вв., с. 8—12; Очерки истории СССР. Период феодализма. Ч. 1, с. 654; В. Н. Левинатов. Эпоха Низами.— Низами. Сборник 1, с. 45; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, с. 58; О. Л. Вильчевский. Ода Хакани грузинскому царю Димитрию I.— Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь академика И. А. Орбели. М.—Л., 1960, с. 56—60; З. М. Бунятов. Грузия и Ширван в первой половине XII в.— Грузия в эпоху Руставели, с. 282; Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 12; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв., с. 115, 122.

⁷⁶ Ф. Жордания. Хроника абхазских царей. Тифлис, 1903, с. 10; Н. Т. Amedroz. Three Arabic mss. on the «History of the city of Mayyafarihin.—«Journal of the royal Asiatic Society». 1902, с. 791; Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. T. 1, с. 572; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum. Ed. P. Bedjan. P., 1890, с. 327—328; V. Minor sky. Caucasia. I, с. 29, 32—34.

⁷⁷ Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 12—13; он же. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье, с. 185—188; W. E. D. Allen. A History of the Georgian People, с. 102; V. Minor sky. Caucasia. I, с. 28; Н. Н. Огкун. Türk tarihi. Cilt 3, с. 94.

⁷⁸ Рашид ад-дин. Джамии ат-таварих. Т. 1. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М.—Л., 1952, с. 83; Всеобщая история Вардана. Пер. Н. О. Эмина. М., 1861, с. 156; История и восхваление венносецев. Пер. К. С. Кекелидзе. Тб., 1954, с. 20—21, 24—25, 41, 55—56; Н. Д. Миклухо-Маклай. Географическое сочинение XIII в. на персидском языке.—«Ученые записки Института востоковедения АН СССР». Т. 9, 1954, с. 207—208; Киракос Гандзакци. История. Пер. Т. И. Тер-Григорьяна. Баку, 1946, с. 93—94; Recueil des historiens des Croisades. Historiens orientaux. T. 1, с. 526—527; T. 2/1, с. 33—34; Sadruddin el-Hüseyni. Ahbar üd-Devlet is-Selçükiyye. Çeviren: N. Lugal. Ankara, 1943, с. 110—114; С. J. F. Dowsett. The «Albanian chronicle» of Mxitar Goş.—BSOAS. 1958, vol. 31/3, с. 490; Barhebraei Gregorii. Chronicon Syriacum, с. 327—328; Histoire de la Géorgie. Depuis l'antiquité jusqu'au XIX e siècle, p. 1. Trad. par M. F. Brosset. SPb., 1849, с. 395.

⁷⁹ Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика, с. 58—62, 64—65; см. также: Е. А. Паханов. Монеты Грузии, с. 75 и сл.; А. А. Быков. Грузинские монеты XII—XIII вв., с. 78—81; D. M. Lang. Studies in the Numismatic History of Georgia in Transcaucasia. N. Y., 1955, с. 20, 21, 23—24, 26.

⁸⁰ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана.— Сочинения. Т. 2. Ч. 1, с. 255.

⁸¹ К. И. Чайкин. Из грузино-иранских связей, с. 22; Р. А. Гусейнов. Сельджуки и Закавказье, с. 20; он же. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв., с. 106, 107—110.

⁸² Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI в., с. 362, 363; Ш. А. Месхиа. Города и городской строй феодальной Грузии, с. 44, 60; он же. Дидгорская битва, с. 58, 59; К. С. Кекелидзе. Социально-политическое и культурное состояние Грузии в эпоху Руставели.—Шота Руставели и его время (сборник). М., 1939, с. 133; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв., с. 12.

⁸³ С. Т. Еремян. Атлас к «Истории армянского народа». Ч. 1. Ер., 1952; Карты к «Очеркам истории СССР. Период феодализма». М., 1953; Атлас Грузинской ССР. Тб.—М., 1964; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI—начала XIII вв. (карта между с. 160—161).

⁸⁴ М. М. Бердзенишвили. Границы Грузинского государства в начале XIII в. (на груз. яз., рус. резюме).— Грузия в эпоху Руставели (сборник), с. 296—297, карта на с. 53.

⁸⁵ М. М. Mortazavi. Le rôle de l'Azerbaïdjan au course de XXV siècles d'histoire de l'empire d'Iran. Tabris, 1971.

⁸⁶ A. Kasravi Tabrizi. Shahriaran-e Gomnam. Tehran, 1307.

⁸⁷ Historical Atlas of Iran. Issued on the Occasion of the 2500th Anniversary of the Persian Empire. Tehran, 1971.

⁸⁸ A. Bausani. The Persians from Earliest days to the Twentieth Century. L., 1971, с. 129—130. См. также: B. Spuler. Le rôle des turcs dans l'histoire de l'Iran (XIème—XIIIème siècles).— Problemi attuali di scienza e di cultura. Atti del convegno internazionale sul tema: La Persia nel medio evo (Roma, 31 marzo — 5 aprile 1970). Roma, 1971.

⁸⁹ M. A. Köymen. Büyük selçuklu imparatorluğu tarihi. Cilt 2. İkinci imparatorluk devri. Ankara, 1954; он же. Selçuklu devri türk tarihi. Ankara, 1963.

⁹⁰ История Азербайджана. Т. 1; История армянского народа. Ч. 1; Н. А. Бердзенишвили и др. История Грузии. Т. 1; Материалы Семинара по проблеме происхождения и формирования азербайджанского народа. Баку, 1965—1966; К. Алиев. Кавказская Албания (I в. до н. э.—I в. н. э.). Баку, 1974; В. Л. Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков; он же. Удинско-азербайджанско-русский словарь; Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье; М. К. Зулалаян. Вопросы древней и средневековой истории Армении в освещении современной турецкой историографии. Ер., 1970 (вместе с тем отметим, что не со всеми положениями М. К. Зулалаяна по истории Азербайджана возможно согласиться).

В связи со сказанным вызывают недоумение публикации А. А. Ализаде и К. Алиева, которые считают, что Азербайджан издревле, чуть ли не изначально, был заселен тюркоязычным этносом (А. А. Ализаде. О произведении и родном языке Мухаммеда Ибн-е Хиндушаха Нахчивани.— «Известия АН Азерб. ССР. Серия истории, философии и права». 1973, № 3; Р. Юзбашев, К. Алиев, Ш. Саадиев. Географические названия Азербайджана (очерки). Баку, 1972, с. 80—82, 84, 86—87, 89, 98).

⁹¹ Р. А. Гусейнов. Титулатура и тамга Ильдегизидов.

⁹² Р. А. Гусейнов. Иракские Сельджукиды, Ильдегизиды и Закавказье.

⁹³ Р. А. Гусейнов. Институт атабеков.

⁹⁴ Е. А. Пахомов. Монеты Грузии; он же. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. 1—9; Д. Г. Капанадзе. Грузинская нумизматика; Х. А. Мушегян. Денежное обращение Двина по нумизматическим данным; он же. Денежное обращение Армении в IX—XIV вв.; Р. А. Гусейнов. Из истории денежного обращения в Передней Азии в XI—XII вв.

⁹⁵ O. Tuğ an. The Ideal World Domination Among the Medieval Türsk.— «Studia Islamica». 1955, vol. 4.

⁹⁶ O. Tuğ an. Türk çihan hâkimiyeti mefküresi tarihi. Türk dünya nizamının millî, islâmî ve insânî esasları. Cilt 1—2. İstanbul, 1969.

⁹⁷ Р. А. Гусейнов. Тюркские этнические группы XI—XII вв. в Закавказье.

В связи с этим следует отметить исследование Д. Е. Еремеева [Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971], в котором показана научная несостоятельность исторических, антропологических, лингвистических (отождествляемых с расовым признаком) и культурных обоснований турецких ученых правого лагеря, проповедующих в своих трудах крайний национализм.